

STALKER

Дмитрий Лазарев

[ВИРУС ЗОНЫ]

СЕЯТЕЛЬ

Дмитрий Лазарев
Вирус Зоны. Сеятель
Серия «Вирус Зоны», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51340437>

АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119412-3

Аннотация

<p>Лесногорской аномалии больше нет, но угроза не исчезла. Неведомая могущественная сущность вырывается в нашу реальность, и целый отряд АПБР гибнет в массовой бойне под Иркутском. «Лояльный», жертва эксперимента по созданию Измененных нового поколения, собирается сделать орудием своей мести носительницу смертельной чумы. Кровавый след жестоких убийств ведет из Сибири к Уралу, а московские сталкеры получают заказ на уничтожение питерского Источника. Во всех этих вроде бы не связанных событиях Посвященный Олег Катаев видит признаки надвигающейся войны между посланцами вселенского разума. Способен ли хоть кто-нибудь остановить безумного Сеятеля, жаждущего уничтожить человечество?</p>

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Сеятель

Пролог

Посвященный

Санкт-Петербургская Зона. Одиннадцатый год метеоритного дождя

Тьма. Она была везде. Даже внутри него. Он был тьмой, а она была им. Он растворялся во тьме, становился невероятно огромным, как целый мир, но в то же время оставался собой. Уже не человеком, но еще и не окончательно и бесповоротно новой формой жизни, которая должна унаследовать Землю. Высшим существом, переходной ступенью эволюции, посредником между человечеством и Сеятелями, и одновременно тем, кого он вспомнил в момент перепрограммирования Источника. То, изначальное «Я» продолжало жить в нем. Хотя тьма и норовила поглотить его целиком, сделать так, чтобы он перестал существовать как личность.

Но Посвященный сопротивлялся – понимал, что нельзя, рано. Процесс еще только запущен, пусть и в правильном направлении, но пускать все на самотек нельзя. От того, на-

сколько он справится со своей миссией, зависит слишком многое. Дивный новый мир или мир кошмаров и смерти. Мирное сосуществование или тотальная война на уничтожение. Посвященный не знал, насколько прочна новая программа Источника и не свернет ли все на прежние рельсы, едва он только уйдет с места «машиниста».

Эта тьма – она была живая, мыслящая, глобальный эгрегор Обломков-Сеятелей, как уже пробужденных, так и крепко спящих и лишь дремлющих на грани сна и яви. Каждое новое пробуждение было важно: проснувшийся Источник должен был получить по информационным каналам нужный программный код, тот, который Посвященный задал питерскому Источнику, – код мира и постепенных эволюционных преобразований. Но тьма слишком могущественна – необоримое глобальное суперсознание, посланное на Землю вселенским разумом. Долго ли оно будет мириться с тем, что обитатели преобразуемого мира самовольно влезли в программу Сеятелей? Ответ на этот вопрос чрезвычайно интересовал Посвященного и одновременно страшил его.

Поэтому он продолжал плавать в этой тьме – почти часть ее, да не совсем. И это «не совсем», казалось, раздражало тьму, нарушало гармонию ее бытия самим фактом наличия и воспринималось как нечто чужеродное. Естественно, тьма стремилась устранить эту дисгармонию, и казалось бы, исход предрешен. Ибо что он такое – один Посвященный против безбрежного коллективного сознания сотен Сеятелей?

Нового Источник, тот самый, который сейчас являлся единственным полностью активным, рассылающим всему эгрегору программные сигналы, заложенные Посвященным, защищал его. Именно поэтому, и только поэтому, каждый раз, когда Посвященный проваливался в необходимый пока его организму сон и оказывался здесь, ему удавалось просыпаться. И просыпаться собой.

Эти сны-странствия по безбрежной тьме были не только опасны, но и полезны: интеграция с глобальным эгрегором Сеятелей позволяла чувствовать все изменения, которые с ними происходили. Уже несколько десятков источников по всему миру находились на грани пробуждения, и хотя это пограничное состояние могло продлиться как пару дней, так и несколько лет, но уже было ясно, что вот-вот пробуждение примет массовый характер, и если он, Посвященный, упустит контроль над ситуацией, для человечества это обернется ужасной катастрофой.

Когда интеграция становилась чуть более сильной, на грани критической степени растворения «Я» Посвященного в эгрегоре, он чувствовал и более тонкие вещи – слабые и далекие сигналы дискомфорта от некоторых Источников. Но он не знал, как это толковать – для этого ему пришлось бы сделать необратимый шаг. А пока оставалось лишь гадать, что с этими Источниками не так. Находятся ли они в очень неприятном месте вроде жерла действующего вулкана рядом с озером кипящей лавы, или с ними что-то делают. Напри-

мер, люди: изучают, подвергают каким-то другим процедурам, которые могут прийтись не по нраву частично пробужденному Сеятелю. Вот, скажем, АПБР вполне на это способно. После их затеи с кровью Измененных Посвященный уже ничему не удивился бы. И ведь они не настолько тупы, чтобы не понимать: это игра с огнем. Но продолжают ее вести.

Вот только Посвященный был слишком далеко от этих проблемных точек и повлиять на события никак не мог. Конечно, можно было задать прямой вопрос своему Источнику, но это уж в крайнем случае. Их взаимная интеграция и без того была достаточно тесной, так что, если случится что-то действительно серьезное, сознания Посвященного эта информация никак не минует.

Пока, за исключением этих отдельных тревожных симптомов, все шло сравнительно спокойно, и Посвященный уже начал думать о грядущем пробуждении. Своим, разумеется. И о том, что он станет делать в первую очередь. Но тут произошло нечто странное.

Посвященного вдруг пронзила острая боль, и первой эмоцией его было безмерное удивление: здесь, во тьме, не могло быть боли – это владения чистого разума, а боль – атрибут плоти. Но в следующий миг он понял, что это не его ощущения, не его реакция, а ментальный отголосок того, что ощущал весь эгрегор Сеятелей. Происходило нечто из ряда вон выходящее и в то же время отчасти знакомое. Это было одновременно похоже и не похоже на пробуждение Источни-

ка. С тех пор как он стал Посвященным, Источники при нем еще не пробуждались, если не считать... Да, примерно год назад нечто в этом роде как раз и произошло в Сибири, недалеко от озера Байкал. Пробуждение, но какое-то неправильное. Тогда Посвященный еще только учился интегрироваться в эгрегор и многого не понял. Странные события у Байкала тогда изрядно взбаламутили ментальное пространство, но прекратились столь же быстро, как и начались. Вроде бы там что-то возникло, что-то странное и даже опасное, а потом исчезло, словно его выдернули из этого мира.

Год относительной тишины. Почти год. С тех пор Сеятели ни на что столь резко не реагировали, кроме событий с Сидом-Пауком. И вот снова. И похоже, там же, в районе озера Байкал. Совпадение? Ой, вряд ли! С тем, что было год назад, никто ничего не сделал. Проблема просто ушла. Сама. Только, выходит, не ушла, а спряталась. Что там сейчас? Какой-то Источник? С ним беда? И в этот момент в сознание Посвященного хлынул поток информации. От своего, питерского Источника. Он-то понял, что происходит, а в силу их тесной интеграции эти сведения сразу стали достоянием Посвященного. И того охватил леденящий ужас. А когда его наконец выбросило из сна, последние минуты которого напоминали уже изошренную пытку, ужас остался с ним и в яви.

Там, далеко на востоке, к северу от Иркутска, в маленьком городке под названием Лесногорск, исчезнувшем с карт Земли год назад, случилась страшная беда, масштабы кото-

рой еще только предстояло осмыслить. И что-то с этим сделать. Да только с идеями у Посвященного было весьма напряженно. А если честно, то полный ноль.

Глава 1

Дмитрий

Окрестности Иркутска

– Да что происходит, в конце-то концов?! – Голос Кейт сорвался на истерический фальцет. – Ты мне можешь объяснить?!

– А на что это похоже, как ты думаешь? – хмуро отозвался Дмитрий, прерывая свое страшное занятие. – И прекрати орать, в ушах уже звенит. Да и вдруг кто услышит, оно нам надо?

Последний аргумент возымел действие – словно кто-то резко выкрутил ручку громкости. И следующий вопрос был задан почти шепотом:

– От чего он умер?

«Лояльный» ответил не сразу – сначала копнул несколько раз лопатой, посмотрел на результат, недовольно хмыкнул, но все же спихнул тело незнакомца в импровизированную могилу и принялся закапывать. Девушка терпеливо ждала: ледяное спокойствие спутника пугало ее едва ли не больше, чем образовавшийся внезапно труп согласившегося их подвезти доброго самаритянина.

– Ты правда не догадываешься или талантливо включаешь

дурочку?

По отсутствию ответа и четко ощущаемому спиной ее испуганно-растерянному взгляду Дмитрий понял, что продолжение таки требуется, и со вздохом добавил:

– На ногти свои посмотри и вспомни Лесногорск.

Он продолжал, не оборачиваясь, забрасывать землей мертвое тело бедолаги-водителя осиротевшего «Форда», печально застывшего на дороге. «Лояльному» не нужно было смотреть на Кейт, чтобы оценить ее нарастающий страх по заливающей лицо восковой бледности.

– Желтые... Это... симптом той чумы, да? Но почему я больше ничего не чувствую, а он уже умер? Сколько мы с ним ехали в машине? Три часа, четыре?

– Ну, во-первых, он, видимо, и без того не шибко здоровым был. Здоровых вирус убивает за пару-тройку дней. А во-вторых, ты – переносчик, а в этом случае все развивается медленнее. – Дмитрий продолжал размеренно работать лопатой.

– А как же ты? Почему с тобой ничего не происходит?

– Я же «лояльный», забыла? На меня эта зараза не действует. – Тут он все же остановился и посмотрел на нее. На усталом, перечеркнутом жутким шрамом лице выступила испарина, и видно было, что ему хочется тяжело опереться на лопату, но короткий черенок этого не позволял. – Ну что, все еще хочешь домой, к родителям?

У Кейт дрожали губы.

– И что теперь?

– Ничего хорошего, – мрачно бросил Дмитрий, возвращаясь к своему занятию. – Насчет себя тоже не обольщайся – оно в тебе зреет, только медленно. А то, что у меня есть, может только максимально затормозить процесс, но не остановить совсем.

– А что у тебя есть?! – встрепелась Кейт.

– Универсальный штамм-блокиратор, – не очень понятно пояснил «лояльный». – Только всего несколько ампул, надолго его не хватит. – Он немного помолчал, вздохнул и, опережая очередное «а что потом?», добавил: – Ехать тебе надо со мной. Без меня ты долго не протянешь...

– Куда ехать?! – Девушка подскочила к Дмитрию и схватила его за локоть. «Лояльный» с трудом удержался, чтобы не отпрянуть, но посмотрел так, что сама Кейт поспешно сделала шаг назад.

– В Красноярск. Там ближайшее отделение АПБР.

– А там мне помогут? – В эти мгновения Кейт казалась живым воплощением надежды.

– Должны. – Дмитрий даже удивился, как легко и непринужденно сорвалась с его губ эта ложь. – Они уже в процессе создания вакцины, и все, что им нужно, – образец твоей крови с вирусом в ней.

Воплощение надежды едва не сделалось воплощением безудержного ликования, однако новая мысль снова нагнала тень на лицо Кейт.

– Но до него же... ох! Как мы доберемся-то?.. Поезд и самолет...

– Исключены, если, конечно, ты не хочешь запустить глобальную эпидемию. К счастью, у нас тут образовалась машина.

Эти слова он произнес, бросив на свежую могилу последние две лопаты земли и обстучав ее лезвием о свои кроссовки.

– К счастью?

Кейт даже слегка передернуло от такого подхода: ведь «лояльный» в отличие от нее, несомненно, знал, чем обернется для водителя согласие посадить их в машину. Знал и молчал. Какое уж тут счастье! Голый расчет самого циничного толка. Но обвинять сейчас Дмитрия во всем этом – уж точно не лучшая идея. И страх стал далеко не последним аргументом «против».

– Ну, если ты предпочитаешь угробить кучу народа на любом виде общественного транспорта или топтать пешком тысячу с гаком километров с хорошей вероятностью помереть, не одолев даже десятой части пути...

– Нет, конечно! Только я водить не умею.

«Лояльный» пожал плечами.

– Значит, придется мне. Я, конечно, еще тот водитель, но на безрыбье... Будешь штурманом. Руку давай – пора делать первую инъекцию.

Глава 2

Рита

Окрестности Лесногорска

Ноги Риты гудели, и понемногу начинала ныть спина. Но хуже всего была бурлящая в голове ядовитая каша из безнадеги, боли и бессильной злости. Ситуация складывалась на редкость поганая, и выхода из нее не наблюдалось. От слова «совсем».

С каждой минутой от нее удалялись «лояльный» Дмитрий и зачумленная Кейт. И век бы ей их не видеть, да только эти двое, если оставить их в покое, способны похоронить ее последнюю надежду на жизнь, хотя бы отдаленно похожую на нормальную. Просто уничтожить в мире всю оставшуюся нормальность. Под корень. Превратить его в нескончаемый жуткий кошмар. Причем Кейт тут, похоже, ни сном ни духом. Она скорее всего даже понятия не имеет, какую бомбу сейчас собой представляет. А вот «лояльный» Дмитрий – та еще сволочь! Все он знает, этот больной ублюдок, но, видимо, хочет рассчитаться с человечеством за какие-то ему одному ведомые грехи, за собственную неудавшуюся жизнь.

Да, когда-то Рита тоже была такой, до того как Артем вколлот ей антинову. Теперь ее передергивало при воспомина-

нии о мертвых телах, которые она оставила за собой, сбегая из иркутского отделения полиции. Чем она, кипящая сейчас праведным гневом на Дмитрия, по большому счету, от него отличалась? Только масштабами жертв. Да, тогда она была еще не на вакцине, а он – да. То есть она не имела ни малейшей возможности контролировать свои инстинкты под властью Зова Источника, зато у «лояльного», похоже, есть чертовски веские причины ненавидеть людей. То на то и получается. Вот только сейчас он пытается сотворить то, что разрушит ее жизнь. Ее и ребенка. Ребенка Артема. Она не может этого допустить... и в то же время ничего не может сделать, потому что потеряла эту «сладкую» парочку. Очевидно, они воспользовались попутной машиной и куда-то уехали. Куда? Как ей теперь искать их? Тоже ловить машину? Пару часов назад это, наверное, еще можно было сделать, но сейчас на Лесногорской трассе все наверняка кишит апэбээровцами...

Стоп, а ведь это может быть выходом! В конце концов, проблема чокнутого «лояльного» и этой зачумленной – как раз по их профилю. Дать им информацию взамен на несколько ампул антиновы, которые ей, кстати, скоро могут понадобиться, когда ее ломать начнет без вакцины... Ага, так они ее и отпустили! АПБР, судя по всему, тоже первостатейные уроды. Даже если они ничего не знают о ребенке сувайво-ра, отпустить «лояльную»? Seriously? Держи карман шире! АПБР понесло немалые потери в этом долбаном Лесногорске и теперь примется всеми силами их восполнять.

Только фиг она им дастся, даже ради антиновы. А вот поохотиться волчьим способом – отбить от группы одного оперативника, свалить его своей способностью пьющей жизнь и забрать вакцину – вполне реально! Можно спорить на что угодно, что к бывшей Лесногорской Зоне ни один апэбээронец без антиновы не сунется – они же себе не враги. Решено – так она и сделает! Убивать оперативника не станет – только вырубит его и в карман сунет записку с информацией, а дальше уж пусть у АПБР голова болит – они на таких делах собаку съели... Кстати, ее, записку эту, недурно бы сначала написать, хорошо подумав предварительно, что АПБР стоит знать, а что – нет. Где-то у нее в сумке были блокнот и ручка...

* * *

Рита не ошиблась – АПБР уже было весьма солидно представлено в бывших окрестностях бывшего Лесногорска, навсегда исчезнувшего с карты Земли и оставившего взамен очень впечатляющий вывал наподобие Тунгусского. Хотя нет, пожалуй, круче. Многие квадратные километры поваленного леса. И причины этого катаклизма еще придется как-то объяснять общественности, чтобы не вызвать паники. Впрочем, это проблемы АПБР, равно как и поимка двух опасных беглецов из Лесногорска. А у нее задача куда проще – найти «жертву», передать информацию и скрыться с добы-

чей. Так, чтобы ее не нашли...

Это-то ладно, а что потом, когда закончится действие до-бытых ампул вакцины? Вопрос, конечно, интересный, только до этого «потом» надо было еще дожить. Поэтому, как говорила одна известная литературная героиня, «я подумаю об этом завтра».

А пока Рита, спрятавшись за могучими стволами елей на границе зоны вывала, наблюдала за довольно-таки бестолковой суетой множества оперативников АПБР, прибывших сюда на нескольких внедорожниках и двух вертолетах. Она сильно сомневалась, что им удастся хоть как-нибудь прояснить картину случившегося. Все полезное и интересное осталось в схлопнувшемся пространственном кармане, пожравшем Лесногорск. А здесь так – не последствия даже, а отголоски последствий.

Но хуже было другое – вся суета творилась довольно далеко от границы зоны вывала, а значит, и возможности скрытно подобраться к апэбээровцам нет. Представить, что никто не обратит внимания на вышедшую из леса одинокую женщину, направляющуюся к работникам спецслужбы при исполнении, достаточно сложно. Особенно в таком месте. Эх, жаль, что она, при своем таланте к поглощению чужой жизненной силы, не имела других талантов популярной в кино и беллетристике кровососущей нежити – не умела на расстоянии взять жертву под контроль и заставить приблизиться к себе. Это, будьте добры, к псионикам. Узкая специализация,

чтоб ее!

И тут внезапно:

– Ну-ка, ну-ка, кто у нас тут? Медленно поворачивайся и никаких глупостей!

* * *

Первым делом Рита подумала, что она идиотка – надо же было настолько увлечься наблюдением за вероятным противником, чтобы полностью потерять бдительность! Типовая ошибка гражданской, пусть даже и со способностями пьющей жизнь, охотящейся на профессионалов спецопераций. Затем Рита подумала, что идиот апэбээровец – с Изменной не следует разговаривать, а стоит сначала пальнуть в нее станковым дротиком, а уже потом, подстраховавшись от всяких неожиданностей, выяснять, кто она такая и что здесь делает.

Сила пьющей жизнь, опережая подчеркнуто медленный разворот ее тела, хлынула было в направлении голоса, чтобы свалить оперативника, доведя его до состояния полной беспомощности... Хлынула и тут же погасла, после чего послышался сухой смешок. И тогда Рита поняла, что верной оказалась именно первая мысль.

Апэбээровцев было двое. Мужчина и женщина, оба в камуфляже. Он – темноволосый с седыми прядями атлет чуть за сорок, она – коротко стриженная шатенка тридцати с ко-

пейками. У него в руках транквилизаторный пистолет наверняка со станowymi дротиками, у нее – ничего. Но она «глушилка» – гасит способности Измененных. Так что Рита против этих двоих – беспомощней котенка. Судя по виду мужчины, он даже без всякого пистолета в рукопашной свернет ее в бараний рог за десять секунд, а его напарница не позволит применить спецспособности. Шах и мат самонадеянной дуре, вздумавшей поохотиться на охотников!

Брюнет был спокоен, как танк, и Рита не представляла, какое событие способно вывести его из равновесия. Про себя она решила пока так его и называть – Танком.

– Ты оттуда? – он мотнул головой в сторону вывала.

– Да, но я «лояльная»... И не зараженная, – поспешила добавить Рита. А то с них станется пристрелить ее без разговоров, просто на всякий случай.

«Глушилка» вздрогнула и побледнела, а на лице Танка не дрогнул ни один мускул.

– Что за вирус? Откуда исходит?

– Подробностей не знаю...

Рита постаралась как можно более сжато изложить то, что знала о лесногорской чуме, ее происхождении и симптомах, о том, как схлопнулся пространственный карман, а также о «лояльном» Дмитриии и о Кейт. А вот Артема и вообще опасное слово «сувайвор» она предпочла оставить за скобками своего повествования, равно как и собственную беременность. Правда, все равно понимала, что с каждым словом

вязнет все глубже, и шансы на то, что ее отпустят, и без того призрачные, становятся просто нулевыми.

Танк продолжал сохранять невозмутимость, а «глушилка» явно дергалась, хотя вот ей-то как «лояльной» чума была не страшна.

– Пургу не гони! – наконец не выдержала она. – Два дня! Пфф! Да Лесногорск уже год как исчез из нашего мира!

– Как год?! – Рита была потрясена настолько, что Танк ей, кажется, поверил.

– Каком кверху! – коротко рубанул он. – С этими аномалиями сам черт ногу сломит. Пойдешь с нами, там разберемся.

Мысли Риты отчаянно заметались, словно рыбы, попавшиеся на крючки, но способ избежать пленения (а что это было пленение, сомнений уже не вызывало), не находился, хоть тресни. Она уже открыла рот для банального и бесполезного «Не надо, отпустите меня!», когда события вокруг резко ускорились. За спиной у Риты, в середине вывала, началась какая-то суета, и воздух разорвал высокий женский крик: «Во-о-олки!»

Глава 3

Выживший

Окрестности Лесногорска

Реальность мерцает. Так у меня бывало, когда сбоила спутниковая трансляция. У меня, по крайней мере, первая ассоциация такая. Картинка периодически гаснет вместе со звуком. Только сбои трансляции не сопровождаются болевыми ощущениями для зрителя. А мне вот сейчас больно. И очень. Я не знаю, что происходит, но чертовски хотел бы узнать. С памятью, кстати, та же ерунда. Тоже сбоят и глючит. «То, что было не со мной, помню». И наоборот.

Не помню, как вырвался из лесногорского ада... И еще кое-чего не помню. Важного. Очень важного. Безумие... В голове полный кавардак, очень похожий на то, что творится вокруг – перемолотый пространственным катаклизмом лес. Лесногорск больше не вернется в этот мир. Вместо него теперь вот этот бурелом. А то страшное, что гнойным нарывом зрело в этом городке, осталось там, за пределами реальности... Осталось ли?

Этого я тоже не помню. Но почему же у меня ощущение, что не все так просто? И еще чувство, что мне обязательно надо кого-то найти. Кого? И зачем? Что со мной случилось,

когда меня выкинуло из коллапсирующей аномалии? Я потерял часть памяти? Часть личности? Или... что?! Я не знаю, как сходят с ума, но то, что творится со мной, очень похоже на это. Мысли разбегаются, и некоторые выглядят... странными, словно они не принадлежат мне. А кому?.. Кто здесь еще? Клиника, палата номер шесть!

Пытаюсь встать. Получается с трудом. Впрочем, тут же падаю. Ноги дрожат, колени подгибаются, суставы горят огнем. И не только суставы. Болит все тело, будто меня избивали палками. Долго, со знанием дела и садистским удовольствием. Хорошо, что я не вижу, как сейчас выгляжу. Кошмар, наверное.

Я чувствую чье-то присутствие. Оглядываюсь по сторонам, не вижу никого, но ощущение это меньше не становится. Скорее, наоборот. Меня внезапно захлестывает волна темноты, и мир гаснет.

* * *

Вспышка! Зрение возвращается ко мне. Я вроде там же, а вроде и в другом месте, в этом проклятом буреломе черт разберет – никаких ориентиров на километры окрест. Но все же кажется, что я сместился куда-то. Интересно, как? Полз без сознания? Или просто опять ничего не помню? Второй вариант тоже, конечно, не фонтан, но первый – это вообще крошечная жуть. Это даже не лунатизм, а больше похоже на

одержимость – как будто кто-то управлял моим телом, пока я был в отключке. Не хочу думать об этом – страшно.

Пытаюсь ползти. Куда – не знаю. Но что-то внутри меня подсказывает направление. Где-то там моя цель – кто-то или что-то, кого или что я пытаюсь найти. По-прежнему не помню, что ищу. Но это важно. Кружится голова, меня тошнит. Хотя последнее – скорее всего от голода. Откуда-то точно знаю, что не ел уже несколько часов. И при себе ни крошки. С водой несколько проще – недавно прошел дождь, и в расщепленном пне, недавно представлявшем собой основание ствола здоровенной ели, скопилась вода. Жажду утолил, но без еды я долго не протяну...

Чувствую приближение кого-то. Живые, причем с разных сторон – спереди и сзади. Спереди – там, куда я, собственно, и стремлюсь, пахнет опасностью. Те, кто приближается оттуда, несут угрозу. Именно мне. Нельзя, чтобы они меня нашли, особенно беспомощным. Надо подкрепить силы. А вот для этого как раз могут пригодиться другие – те, что идут сзади.

Откуда я это знаю? Вернее, с чего я это взял? Мысль кажется не моей, будто кто-то подумал ее моей головой, если, конечно, можно так выразиться.

Зрение опять мутится, картинка расплывается, словно в не наведенном на резкость фотоаппарате, затем на мгновение гаснет, а когда мне снова «включают свет», происходящее кажется каким-то сюрреалистическим действием. Две ко-

сули. Приближаются медленно, осторожно переставляя тонкие ноги среди бурелома. Идут целенаправленно ко мне. Я плохо вижу их, так как зрение по-прежнему мутится, но ощущаю исходящий от них страх, будто я – хищник, находящий жертву не по ее запаху, а по запаху страха, который она испытывает. Две косули – и есть жертвы. Я это понимаю, они это понимают, но продолжают покорно идти на заклятие, как загипнотизированные...

Именно! Именно загипнотизированные! Будто я ими управляю подобно Измененным-животноводам. Во мне поднимается волна протеста: нет, я не хочу! «Тогда сдохнешь!» – холодно отвечает мне мое сознание. Понимаю, что так оно и есть. Страх и отвращение борются во мне с отчаянным, звериным желанием выжить во что бы то ни стало. Я важнее! Ценнее этих двух жалких косуль в десятки раз. Я могу сотворить еще столько полезного, столько спасти, выполнить свою миссию. Люди охотятся на животных, убивают их, едят их мясо, делают из их шкур одежду. Я ведь не из тех, кто предпочитает думать, будто мясо само появляется в магазинах в свежемороженом или парном виде? Нет. Я и сам убивал, причем не только животных. Людей тоже.

«Да, но *не так!*» – возражаю я сам себе.

«У тебя ничего нет, – спорят со мной. – Ни ружья, ни пистолета, ни даже ножа. *А это* есть. Да и какая, к черту, разница, каким способом ты их убьешь?»

Резонно. Трудно спорить. И это мысленное согласие на

то, что должно произойти, будто отстраняет мое сознание от действия, заставляет уйти с поля на зрительские места, и я превращаюсь в наблюдателя. Это странное, безумное ощущение – смотреть на то, что делаю я, как бы изнутри своего тела и в то же время со стороны. Иллюзия, конечно, но жутко реалистичная, от которой уж точно пахнет клиникой. Но мне как-то резко и вдруг делается все равно.

Косули уже в паре метров от меня, и что-то внутри решает, что достаточно. Тело мое вдруг испускает холодную энергетическую волну, которая накрывает двух несчастных копытных. Они начинают шататься, у них подламываются ноги. Та, что поменьше, видимо, подросток, падает первой, а следом валится и вторая. Жизни в них остается все меньше и меньше, а вот я вдруг ощущаю, что меня наполняет сила. Постепенно отступает боль в суставах и во всем теле, мышцы становятся более упругими, и кажется, даже сильные ссадины и поверхностные раны начинают чесаться, затягиваясь. Сила пьющего жизнь. Откуда она у меня? Никогда не было... вроде. Если, конечно, это не очередной трюк моей разодранной на лоскутки памяти – «тут помню, тут не помню».

Все. Косули мертвы, а я... я почти в порядке, если не считать бардака в голове. Поднимаюсь на ноги. К моему удивлению, это получается у меня без особого труда и даже почти без болевых ощущений. Стараюсь не смотреть на мертвых косуль. Есть я их не буду – мне их даже разделать нечем.

Я среди леса, совсем не подготовленный к походу. Огонь развести тоже нечем. Даже трением, потому что вокруг все влажное после дождя.

Но силы у меня уже есть, и я могу идти. Точнее, уходить, прятаться, потому что я еще не в оптимальных кондициях, а враги приближаются, и их много. Что это именно враги, не сомневаюсь нисколько. Вернее, не сомневается что-то внутри меня. Я слышу отдаленный гул моторов и стрекот вертолетов в небе, и волна страха накрывает меня с головой. Даже не просто страха – паники. Все мое существо стремится как можно скорее оказаться подальше отсюда, но пока не может, а те, что приближаются, воспринимаются мною как охотники с точки зрения затравленного матерого волка. Они давно мечтают снять с меня шкуру и повесить ее на стену. Вернее, поймать меня, запереть в клетку и тщательно изучить в своих лабораториях. АПБР!

Эти четыре буквы вызывают у меня смешанные чувства. Только встречаться с теми, кого они обозначают, я совершенно не жажду. Уйти, скрыться! Однако я не только слышу, но и чувствую. Чувствую кое-что помимо приближения увешанных оружием оперативников АПБР. Где-то недалеко моя цель, та, которую я ищу. Да, все-таки «кто» и «она», вспомнил. Только черты лица расплываются. Но *она* тоже где-то там, неподалеку. А значит, нельзя мне уходить и скрываться. Я должен найти *ее*. Нельзя упустить, потому что если *она* уедет далеко, я могу *ее* потерять, а если с *ней* что-нибудь

случится... даже думать об этом не хочу. Так что я остаюсь, и точка!

«С ума сошел?! – истерично верещит часть моего сознания. – Жить надоело?!»

«Конечно, нет! – упираюсь рогом я. – Но тамона, и я не могу отдать *ее* на милость этих...»

«Чокнутый!» – безапелляционно ставит диагноз мой внутренний оппонент, и зрение мое снова туманится.

Дальше я не очень понимаю, что творю и как я это творю. Меня словно опять просят уйти со сцены и пересаживают в зрительный зал. Это бесит безмерно, но сделать я ничего не могу – реальность снова начинает мерцать и через какое-то время меркнет совсем.

* * *

Вспышка! Прихожу в себя, лежа в засаде среди бурелома. Очень грамотно лежа, в хорошо выбранном месте, так что меня трудно увидеть, если не прочесывать местность частым гребнем. Не похоже, что я просто брякнулся здесь в обморок. Это ж какое-то дикое везение должно быть, чтобы так удачно упасть.

Я уже не один. Вывал кишит оперативниками АПБР. Я не знаю, что они хотят здесь найти, но подозреваю, что не найдут. Зато, если будут усердно искать, могут найти меня. А вот уж это будет совсем некстати. Пока они еще далеко от

меня, но доберутся, вопрос времени.

Только сейчас главное не это. Главное – что я чувствую *ее*. Причем совсем близко – там, среди них. Чувствую *ее* страх и отчаяние. *Ее* захватили? Угрожают? Во мне поднимается волна гнева. Не позволю! Мое! Не трогать! Однако легко сказать «не позволю». А как? Что я могу? Сил в себе ощущаю не так чтобы очень много. Да и те физические. Способности Измененных? Не помню, какие у меня есть. Хотя... недавно же я их применял – выпил жизнь из двух косуль, предварительно их приманив. Животновод, пьющий жизнь... Чем это тут поможет, против такой-то оравы? Есть ли у меня что-то еще? Не знаю. Вернее, не помню. Может, и есть. Только если я прямо сейчас их не вспомню, толку-то от них? Времени в обрез. Действовать надо немедленно. И...

Что «и», я додумать не успеваю, поскольку чувствую: события уже запущены. Какие? Кем? Когда? Мной? Тогда почему я опять ни черта не помню? Я ощущаю надвигающееся и уже неотвратимое нечто. На мгновение мне делается страшно, но потом чувствую, что губы помимо воли кривятся в жесткой усмешке, и страх вытесняется почти злорадным предвкушением.

А вскоре я уже и вижу это. Вывал буквально захлестывает серая волна. Мохнатые спины, хвосты, морды с прижатыми ушами и оскаленными пастьями. Волки. Сотни, если не тысячи волков. Откуда столько? Неужели это я их призвал? У меня непроизвольно отвисает челюсть. Сейчас уже совсем не

страшно – поток серых хищников обтекает меня и устремляется в центр вывала, где апэбээровцы вдруг начинают суетиться интенсивнее. Еще бы, блин, не суетиться – тут сожрут и фамилию не спросят.

– Во-о-олки! – раздается чей-то запоздалый испуганный крик, и начинают греметь выстрелы.

Глава 4

Рита

На выстрелы Танк хоть как-то отреагировал: челюсти его сжались, а глаза потемнели. Он сунул «глушилке» транквилизаторный пистолет.

– Уводи ее к машинам. Глаз не спускай!

– Ты куда? – Дрогнувший голос шатенки выдал ее сильный страх.

– Помогу нашим, – нетерпеливо отозвался оперативник. – Уводи же, ну! – Достал из кармана боевое оружие и скрылся за деревьями.

Рита встретила взглядом с «глушилкой». У той дернулся глаз. Новая неожиданная напасть пугала, конечно, и Риту, однако держалась она явно лучше апэбээровской «лояльной» – все же лесногорская закалка давала о себе знать. Тем временем шатенка нервно мотнула вправо транквилизаторным пистолетом.

– Иди, и без глупостей!

Рита покорно двинулась вперед. Дополнительно нервировать сейчас и без того психующую «глушилку», конечно, не стоило: еще не ровен час дернется палец на спусковом крючке – и получи становой дротик, от которого потом черт знает сколько времени будешь в себя приходиться. И хорошо, если

очнешься с полным комплектом рук и ног – волки обладают завидным аппетитом, особенно если стая большая.

Рита шла, прислушиваясь к своему организму – полностью ли подавлена ее способность, или нервы «глушилки» дают о себе знать? Так, а это еще что? В животе неведомо откуда взялся источник тепла, который стал потихоньку рассылать импульсы по организму. И мало-помалу ее скованная чужим воздействием Сила начала отзываться на эти импульсы. Сила пьющей жизнь. Рита настолько удивилась, что даже замедлила шаг и споткнулась, на что тут же последовала нервная реакция ее конвоирши:

– Эй, я же сказала, без глупостей! Двигай давай!

Рита сжала зубы – ее охватило жгучее желание развернуться и от души врезать шатенке между глаз. Но удержалась – понимала, что просто не успеет: на разворот и удар ей потребуется куда больше времени, чем той на выстрел. И тогда – привет семье.

Рита двинулась дальше, внимательно глядя под ноги, чтобы больше не спотыкаться, и контролируя свою скорость, дабы не спровоцировать ускорением или замедлением натянутую как струна «глушилку». Шла и прислушивалась к разрастающемуся источнику тепла в животе.

«А ведь это ребенок!» – едва не заставила ее сбиться с шага внезапная мысль. Ребенок Артема – дитя сувайвора – пытается преодолеть вредоносное воздействие на мать.

Озарение это тут же показалось бредом – уж очень ма-

леньким был срок. Эмбрион еще даже толком формироваться не начал, какое уж там... А с другой стороны, частичка сувайвора в ней – это может быть очень серьезно. Недаром этот ублюдок Дмитрий сделал такую стойку на ее беременность. Что в принципе она знает о сувайворах? Да ни черта! Эх, надо было в свое время поподробнее расспросить об этом Дмитрия... Если бы он пожелал говорить, конечно, – тот еще жук! Но если кровь сувайвора творит такие чудеса, почему бы и другому его... хм... биологическому материалу не оказывать подобное воздействие?

Тогда пока стоит принять за исходный посыл, что частица погибшего Артема в ней пытается справиться с воздействием «глушилки» и, судя по всему, мало-помалу справляется. А значит, надо дожидаться, когда это произойдет, и... Шатенку Рите было совершенно не жалко, только вот вряд ли у нее есть при себе антинова. Очень сомнительно, что АПБР снабжает своих «лояльных» вакциной – это ведь ослабление контроля получается. Плохо. Придется искать, где они оставили машины, и разбираться с охраной... Ага, «разбираться», как же. С «глушилкой» сначала справься, разборщица!

Впереди, между стволами елей, показался просвет. Похоже, именно там оставили машины апэбээровцы. И не без присмотра, можно даже не сомневаться. Стало быть, действовать надо сейчас, пока они с конвоиршей один на один, – когда появятся другие оперативники, будет поздно. Теплота почти уже одолела холод чужого воздействия, сковывающий

Ритины способности. Ну же, родимая, давай! Еще чуть-чуть! Ну пожалуйста! Между тем просвет проявлялся все четче – до него оставалось каких-то полтора десятка шагов. Медленная гонка – что за странное выражение! А ведь так и есть! Шагать мерно, ровно, не быстро и не медленно, именно так, как раньше, и молиться, чтобы теплота внутри справилась с воздействием «глушилки» раньше, чем расступятся ели.

До просвета оставалось пять шагов, когда Рита не выдержала – ударила всей Силой, которая на этот момент вырвалась из-под гнета подавляющей способности «глушилки», и одновременно на всякий случай упала ничком. И правильно сделала, так как сзади сухо щелкнул транквилизаторный пистолет – шатенка, уже попав под вампирический удар Риты, все же успела дернуть спуск, но становой дротик разошелся с целью. Рите не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что «глушилка» больше не числится среди живых – способности пьющей жизнь позволяли подобные вещи чувствовать сразу и очень четко.

Она медленно, стараясь не шуметь, поднялась на ноги и обыскала свою мертвую конвоиршу. Ну, что и требовалось доказать – никакой антиновы. Надо идти к машинам. От этой мысли у Риты дрогнули колени. Не напитайся она только что жизненной энергией злосчастной «глушилки», пожалуй, снова бы упала. Не хотелось ей идти туда – накатывало какое-то плохое предчувствие, но надо. Без вакцины уходить нельзя, иначе в лучшем случае через пару месяцев она будет

корчиться в жутких муках и почти наверняка умрет: ломка «лояльных» в разы хуже обычной наркоманской – нет шансов перетерпеть, с течением времени становится только хуже.

Первый шаг в сторону просвета она делала с диким трудом – словно пробивалась через внезапно загустевший воздух. Второй и третий были такими же, а дальше пошло полегче – в конце концов, жребий брошен, а Рубикон и пылающие мосты позади прилагались в комплекте.

Осторожно выглянуть из-за елей. Вон они, внедорожники, остановились на всякий случай в паре десятков метров от зоны вывала – мало ли что. Только не видно движения. Неужели все же рискнули оставить машины без охраны, понадеявшись на местное безлюдье? Ох, вряд ли. Тогда где же тот (или те), кого тут оставили? Сидят в засаде с того момента, как слышались выстрелы? Возможно. А ей в таком случае что делать? Тоже сидеть в засаде до опупения? Этак она дождетя либо оперативников, отбившихся от волков, либо волков, сожравших оперативников. Оба варианта ничего хорошего Рите не сулили.

И все же она сделала шаг из-под прикрытия деревьев. Второй шаг, третий... никакого грозного окрика, выстрела или тихого щелчка транквилизаторного пистолета, сопровождающегося болью от тесного контакта со станковым дротиком. Почему-то это «отсутствие всякого присутствия» пугало Риту больше, чем если бы случилось что-то из вышеперечис-

ленного.

А затем ее взгляд загнулся о первую странность – открытую дверцу одной из машин. Если оставляешь машины без присмотра, не закрывать их – идиотизм, а если с присмотром, но сидишь в засаде, тоже не слишком умно – дверца насторожит неведомого неприятеля. Оставался единственный вариант – с тем, кто остался с машинами, что-то случилось...

Каждый новый Ритин шаг был все равно что по минному полю. Вернулся тот, лесногорский страх, когда они с Артемом ходили по городу, кишасшему зачумленными. Взгляд ее буквально впивался в приоткрытую машину, пытаясь высмотреть сокрытое – либо труп, либо угрозу, либо то и другое вместе. Снова сбой на полушаге – из-за переднего бампера что-то высовывалось. Что-то серое. А рядом темное. Лужа чего-то темного. К горлу девушки подступил комок, а в голове принялся шуршать и завывать вихрь паники, выгоняя оттуда все полезные мысли, вроде той, например, что машину можно на всякий случай окатить волной ее вампирической Силы, чтобы тот, кто там засел, там бы и остался. Насовсем.

Вместо этого был сделан еще один шаг, и взгляду открылось несколько больше. Чуть больше серого... мохнатого, а рядом темное, жидкое. Труп волка и кровь. Значит, и сюда они уже добрались? Тогда понятно, что с охранником. Только где он? Или его мертвое тело? А в багряном тумане страха, окутывающем ее сознание, колотилась еще одна ассоциативная цепочка: «Открытая машина – труп – вакцина – это

шанс!»

Еще шаг, еще... Движение впереди. Настолько неожиданное, что Рита зажала себе рот, чтобы не вскрикнуть, – чья-то рука вдруг безвольно свесилась из дверцы, и с нее начала капать кровь. А парой секунд позже из дверцы высунулась окровавленная морда волка. Верхняя губа зверя приподнялась, обнажая клыки в жутком оскале. Замешательство Риты длилось всего мгновение, а потом она вспомнила, кем является, и свалила хищника вампирическим импульсом своей Силы. Огляделась – и очень вовремя, так как из-за машины вынырнул еще один зверь, но прыгнуть на нее не успел – смертельный энергетический удар пьющей жизнь опередил его.

– Да сколько ж вас здесь? – сквозь зубы процедила Рита.

Но больше никто не появился. Передернув плечами, девушка уже более спокойно подошла к машине – живых там точно больше не было. Сунулась внутрь и тут же отпрянула, отвернулась и зажала рот рукой, сдерживая внезапный и острый приступ тошноты. Водителем уже начали обедать, о чем свидетельствовали выгрызенное горло и живот, торчащие там и тут мясо, кости, внутренности. Рука, свесившаяся из дверцы, естественно, двинулась не сама по себе – она была почти отгрызена в районе плечевого сустава. Салон машины весь пропитался запахом крови, от которого Риту выворачивало наизнанку. Странно. В Лесногорске у нее с этим было как-то проще. Неужели эта маленькая частичка Артема

внутри нее так влияет на ее восприятие? Рано вроде бы пока для специфических реакций на вкусы и запахи в связи с беременностью. Хотя... кто его знает, ребенка сувайвора. Да и «лояльная» пьющая жизнь – тоже не самый типичный пример беременной женщины. В их странном союзе все может пойти наперекосяк, и многие правила, железобетонно справедливые для людей, в ее случае могут либо не действовать, либо действовать совсем иначе. И потом этот сносящий крышу сдвиг времени. На пару дней провалиться в аномалию, а вынырнуть обратно через год... Рехнуться можно! Впрочем, этот вопрос пока терпит. В отличие от вакцины.

Так что тело все-таки надо обыскать. Пусть ее вырвет при этом, и не раз, но вакцина того стоит. Рита подошла к машине снова и тщательно, стараясь не извозиться в крови и по возможности не смотреть на изуродованное тело водителя, на ощупь стала обшаривать карманы его крутки. К счастью, поиски не затянулись – в нагрудном кармане ее пальцы нащупали небольшую коробочку как раз подходящего размера. Вытащив ее оттуда, она пулей вылетела из машины и какое-то время не могла продышаться – так мерзко ей было.

Увлеченная собственным далеко не блестящим состоянием, движение она заметила слишком поздно и среагировать уже не успела. Сухой щелчок и острая боль в шее. Ноги подломились, и Рита упала на бок, каким-то образом ухитрившись не раздавить коробочку с ампулами. Осторожные приближающиеся шаги, чья-то тень на ней, полный ненависти

голос Танка: «Вот же ты тварь!», и мрак, затопивший ее сознание.

Глава 5

Дмитрий

Сумрак и тени. Много теней. Вроде и человеческих, а вроде и не очень. Уродливые, сгорбленные, шатающиеся. Впереди какие-то строения. Жилые дома и промзона рядом, через улицу. Небольшой городок. Живой... пока еще. Кое-где горят огни, но мало. И тени людей двигаются вперед, туда, где жизнь. Они голодны, вечно голодны. У них не так много остается времени, чтобы нажраться до отвала, вкусить человеческой крови... и умереть.

Дмитрию не надо видеть их лица, чтобы узнать, как они выглядят. Бледные как смерть, с красными запавшими глазами, окруженными черно-багровыми синяками. И желтые ногти. Дмитрий ловит себя на том, что улыбается. И это не то чтобы душевная потребность – уголки рта самопроизвольно ползут вверх, будто тело помнит нормальные человеческие реакции и повторяет их бездумно, на автомате. Потому что когда человеку хорошо, или он удовлетворен тем, что происходит, или плохо его недругу, он должен улыбаться. И это абсолютно нормально, ибо так задумано его биологической природой.

Дмитрию должно быть сейчас хорошо. Свершается столь долго лелеемое им возмездие. Справедливое возмездие над

теми, кто ради своих корыстных целей, властных амбиций и научного любопытства изуродовал его, превратил его жизнь в ад, сделал из него раба, вынужденного служить тем, кого ненавидит, в обмен на регулярные инъекции антиновы. Теперь они узнают, да, узнают, что такое жить в аду. Потому что сами в нем окажутся, но ненадолго. Прежде чем умереть.

Дмитрий улыбается: ковыляющие фигуры приближаются к строениям. Скоро-скоро оттуда послышатся крики ужаса и выстрелы – музыка для его ушей. Пусть зачумленные сделают всю грязную работу, пусть. Он не тщеславен и совершенно чужд позерства. Ему не обязательно смотреть в глаза своим врагам, когда они будут умирать. Не обязательно даже, чтобы они знали, за что и от чьей руки умирают. Это все из пошлой беллетристики и низкопробного кино – из той же оперы, что и пафосные речи мстителя. Нет, ему достаточно будет плюнуть на их трупы и забрать из хранилищ все запасы антиновы.

А еще... Где-то там, далеко, Источник. Такой же полупробужденный, как... И тоже во власти АПБР. Его еще нужно будет пробудить. И пробудить по правильному протоколу, с нужным программным кодом. Зачем? Нужно – и все. А потом и остальные... И смести этого питерского ренегата. Утопить в крови его Измененных, раздавить Посвященного, разрушить сам Источник, чтобы эта зараза больше никуда не распространилась.

На Дмитрия накатывают изумление и страх – он не пони-

мает, откуда берутся эти мысли. Ему не нужен еще один Источник, не нужно тащиться за тридевять земель в Питер, кого-то там уничтожать. Зараза распространится... Единственную заразу, которая есть, он везет с собой. Это его персональное оружие, инструмент его мести. Он не собирается распространять эпидемию дальше. Когда свершится то, что он затеял, все хвосты будут зачищены. К чему устраивать апокалипсис? Он что, чокнутый? Нет, строго план, и все.

Да, конечно, план, а потом...

Никаких потом! Потом он будет жить, просто жить, сколько позволят запасы антиновы.

Жалкие подачки отживших... И ему этого хватит? Он этим удовлетворится? И эта тоска – после таких-то свершений, киснуть где-то в провинции обывателем! Да, именно киснуть, хорошее слово. У него богатый словарный запас. Можно, правда, еще расширить. И цели расширить – слишком уж они мелкие. Такие цели – для отживших, а не для новой формы жизни, которая приходит им на смену. Новая форма жизни и мыслить должна по-новому, более масштабно, глубоко, заглядывать дальше вперед, просчитывать ходы. Неужели он этого не понимает? Да нет, понимает, конечно же, просто пока еще не осознает. Все постепенно, поэтапно, от цели к цели, чтобы разум справился с ростом объемов информации, свыкся с новыми темами для размышлений, примерил на себя новые цели, осознал их важность. Он справится, пусть не сразу, а попозже, хотя особенно медлить не сто-

ит. Питерский Источник и его Посвященный...

Так, стоп! Никакого Питера пока! Он и слышать об этом не желает. Красноярск, месть, антинова, понятно?! Понятно, как не понять. Но потом...

Дмитрия охватывает волна бешенства, раскаленной добела ярости, какую он позволяет себе очень нечасто, сознавая, что у него, «лояльного»-сыщика, не имеющего никаких боевых способностей, единственный козырь – холодный разум. Его изошренный, совершенный разум, который может такое, что и не снилось не то что всяким там пневматикам и кинетикам, но даже и паукам – региональным лидерам «Нового мирового порядка». НМП потому и в загоне, потому их и травят, словно диких зверей, что мозгов не хватает. Террористы... Иногда головой надо думать, а не жечь и взрывать.

Кстати, а НМП – это мысль! Надо будет с ними связаться. Потом, когда он...

Нет! Никаких потом! У него есть цель, к ней и нужно идти, а все эти бредовые фантазии забыть.

Пока что можно и забыть, но...

«Но» оформиться не успевает, поскольку впереди, в сгущающейся темноте, начинают трещать одиночные выстрелы, автоматные очереди, взрывы гранат и крики. Дмитрий снова начинает улыбаться. Правильно, вот так, вот так. Умирайте, отжившие, умирайте! Заливайте своей кровью пожар в его груди!

И тут же он ощущает толчок в груди. Изнутри. Непри-

ятный, тревожный и даже болезненный. Что происходит? Реальность начинает расползаться перед ним на лоскуты. Чудесная, пленительная реальность штурма зачумленными объекта АПБР превращается в тонкие полоски, как бумага в шредере. А полоски в квадратики, в мелкую крошку. Картина рассыпается, будто и не было ее. Из груди Дмитрия рвется яростный, возмущенный крик, но раньше наступает пробуждение.

* * *

Где-то по дороге из Иркутска в Красноярск

Он не стал открывать глаза. Попытался сначала так почувствовать окружающую действительность, отбросив накатившее жуткое разочарование, что рассыпавшаяся только что сцена была лишь сном. О снах не стоит думать, они не несут ничего, кроме отражений собственных мечтаний и тревог. Сны не могут спасти или убить. Реальность вот может. Так что там с ней?

Тревожно, но не опасно. «Лояльный» совершенно четко ощущал на себе полный ненависти взгляд своей спутницы. Ну что за коктейль эмоций, в самом деле? Пожалуй, на такое способны только женщины – ненависть, страх и одновременно боязнь потерять.

Они остановили машину на обочине трассы в лесу. Дмитрию надо было отдохнуть – слишком много всего накопи-

лось в голове с того момента, как он с напарницей прибыл в Иркутск расследовать странное дело с Измененными. Потом было столько всего. Казалось, целая жизнь, спрессовавшаяся в считанные дни, – преследование, Лесногорск, пространственная аномалия, безумные приключения внутри нее, прорыв наружу, катаклизм, добрый самаритянин, которого убила чума и машиной которого они завладели... Тут любой устанет, будь он хоть трижды Измененным.

В считанные дни... Они с Кейт чуть с ума не сошли, когда увидели дату на навигаторе. Вернее, чуть с ума не сошла Кейт, а Дмитрий просто сильно удивился. У аномалий бывают разные свойства, далеко не все из которых изучены, а у пространственных – особенно. К тому же тут еще и аномалия экстраординарная – громадных размеров, созданная очень необычным Источником и провалившая целый город на какой-то особый слой реальности. Стоит ли удивляться, что при коллапсе аномалии произошел такой временной сдвиг? Пожалуй, нет. Лесногорск исчез с карты Земли, и такое не могло пройти незамеченным. Наверняка его искали многие: и те, у кого там остались родственники или друзья, и АПБР. Но с момента полной изоляции внутри аномалии было уже не попасть. Может, так и замышлял Источник – чтобы за год схлынуло напряжение в окрестностях пропавшего города, чтобы его все перестали искать... И вот тогда из него должна была хлынуть чума...

План этот удался лишь отчасти, но Дмитрий его скоррек-

тирует, доведет до ума и реализует в той части, что выгодно ему. И даже хорошо, что прошел этот год: может, в красноярском АПБР уже забыли о своем сыщике, списали его в потери. Спутница его, конечно, расстраивается: ее близкие тоже наверняка похоронили, только ей-то в любом случае путь к ним заказан...

Кейт... Бесплезная, капризная дрянь! Даже водить не умеет, никакого от нее толку. Пока никакого... Ну а раз Дмитрий – бессменный водитель, пришлось остановиться для отдыха. И вот теперь она смотрит. Смотрит неотрывным взглядом на его шею. Смешно, честное слово! Но на этот раз Дмитрий не позволил дернуться вверх уголкам своего рта. Только произнес, не открывая глаз:

– В «бардачке». Под документами на машину и футляром с солнечными очками.

– Что? – ошеломленно переспросила Кейт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.